

Большой евнух дрожащими руками принял жетон в форме скорпиона.

Иного выбора у него не было — слишком много глаз следило за каждым его движением.

Холодный металл жетона, коснувшись пальцев, отозвался ледяным покалыванием, словно в руках он держал не награду, а погребальную записку. Не смея даже взглянуть на предмет, он поспешно спрятал его в рукав.

— Генерал... генерал, прошу, успокойтесь. Я... я непременно передам всё в точности, слово в слово, как вы и просили, государю.

Прошипев эти слова, он больше не осмелился встретиться взглядом с Ци Цинцы, чьи глаза, казалось, видели его насквозь. Почти на четвереньках он вскарабкался в карету и, прихватив двенадцать красавиц, которые всё ещё пребывали в полном недоумении, спешно ретировался из Резиденции генерала, защищающего государство, словно спасаясь бегством.

Ци Цинцы проводил их взглядом, и камень, долгое время висевший у него на душе, наконец рухнул. В этой заочной дуэли с Янь Бэйсюанем он выиграл первый раунд.

Он не просто превратил гнусную уловку Янь Бэйсюаня в свою личную заслугу, но и на глазах у всей Столицы создал себе образ преданного, одинокого воина, пекущегося о благе страны и равнодушного к женской красоте.

А самое главное — жетон, символ покушения, теперь лежал прямо на рабочем столе Янь Бэйсюаня.

Теперь очередь этого тирана делать ход. Заодно можно проверить, не приложил ли он руку к нападению на брата.

Ци Цинцы подавил бурю эмоций, кивнул восторженным солдатам и горожанам, всё ещё выкрикивающим слова поддержки, и поднялся в приготовленную для поездки во дворец карету. Занавески опустились, скрыв его от чужих глаз. Карета тронулась, глухо стуча колесами по каменной мостовой.

Ци Цинцы перевёл дух и прислонился к стенке. Тяжёлые доспехи давили на плечи, мешая дышать.

Разыгрывать спектакль оказалось утомительно. Сложнее, чем семь дней подряд работать сверхурочно в двадцать первом веке. Но результат того стоил — лица у чиновников, наблюдавших за сценой, стали зеленее травы. А Ли Дэчжун, этот старый лис... я чувствовал его ярость даже за сотню шагов, он небось уже прикидывает, как меня извести. А что же Янь Бэйсюань? О чём он сейчас думает? Не решит ли он, что я слишком наглец, и не прикажет ли меня казнить? Вряд ли... Я ведь теперь всенародно любимый генерал. Если он меня убьёт, не боится ли, что страна погрузится в хаос? Хе-хе, хотелось бы сейчас взглянуть на перекошенную от злости рожу этого старого пня.

Ци Цинцы не сдержал усмешки, чувствуя торжество от успешно проведённой авантюры.

В Императорском кабинете Янь Бэйсюань, выслушав отчёт, тоже счёл этого мальчишку чересчур дерзким. Он стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел сквозь дворцовые стены в сторону Резиденции генерала. Стоящий на коленях евнух повторял слова Ци Цинцы.

Янь Бэйсюань слушал молча. Когда до него дошло, что генерал не только нарушил указ, но и вернул всех подаренных красавиц, на его лице не отразилось ни тени гнева. Напротив, в глубине его чёрных глаз промелькнуло что-то похожее на радость. С губ сорвался тихий смешок.

— Государь, генерал Ци... он при всех отказался подчиниться указу и приказал мне вернуть это вам... — евнух, склонив голову, протянул жетон, лежавший на вытянутых ладонях.

Дворцовая служанка взяла предмет и положила его на стол перед Янь Бэйсюанем.

— Занятно.

Янь Бэйсюань обернулся и начал постукивать пальцами по столешнице. Он уже успел услышать все изощрённые ругательства, которыми Ци Цинцы осыпал его в своих мыслях, разобрал его точный анализ своих планов и увидел расчёты, скрывавшиеся за пылким представлением.

Сегодняшний случай показал: этот кот, который то и дело выпускает когти, куда опаснее, чем он полагал. Ци Цинцы не просто разгадал его план — он нанёс ответный удар. Использовал сочувствие народа, чтобы манипулировать общественным мнением. Использовал преданность солдат, чтобы укрепить свой авторитет. И, наконец, маленьким жетоном направил все взоры на тему покушения.

Маленький плут.

Уголки губ Янь Бэйсюаня приподнялись выше. Он крутил в пальцах жетон, пока на столе не появились все собранные разведкой сведения о нём. Песчаные Скорпионы. Наёмники из Западных Регионов, и вдруг — прямо под носом у императора. Берут деньги, не оставляют свидетелей, работают только на вельмож? Отлично.

Улыбка Янь Бэйсюаня стала холодной. Командир тайной стражи Сюань И, почувствовав исходящую от императора опасность, склонил голову.

— Государь, этот предмет...

— Разузнать, — голос Янь Бэйсюаня звучал спокойно, но не терпел возражений. — Перевернуть каждый камень в Столице, где прячутся эти крысы. Хочу знать, чьи руки

осмелились зайти так далеко.

— Слушаюсь.

— И ещё, — Янь Бэйсюань на мгновение замолчал, снова глядя в окно. — Передай мою волю: объявить, что генерал Ци проявил высокую добродетель и печётся о благе страны, чему я крайне рад. Всех двенадцать красавиц отправить в лагерь для семей павших воинов Северопограничной армии, чтобы они заботились о родных погибших. А все расходы на это оплатить из средств Министерства финансов.

Сюань И замер. Неужели государь не только не наказал за неповиновение, но ещё и наградил?

— И пусть канцлер Ли Дэчжун, генерал Ли Гуанли и глава Министерства военного дела Цяо Юньхай... добровольно пожертвуют годовое жалованье на нужды этого лагеря. Скажи им, что это долг перед страной и забота о героях Великого Янь, пусть берут пример с генерала Ци.

Сюань И внутренне содрогнулся, мысленно посочувствовав этим господам. Высоко, как высоко! Этот ход императора — убийство без капли крови! Он не только выставил себя мудрым правителем, пекущимся о героях, но и заставил политических противников Ци Цинцы раскошелиться. И хотя официально это «добровольный взнос», все будут знать, что виной тому — поведение Ци Цинцы.

Император не только остался в стороне, но и стравил чиновников с генералом. А самое жестокое — он возвёл Ци Цинцы на пьедестал великого «верноподданного». Отныне Ци Цинюэ — бог войны, не знающий личных интересов, святой покровитель солдат. Теперь ему придётся соответствовать, ни шагу в сторону! Император нацепил на него корону, которую невозможно снять, вынуждая служить себе вечно.

На утреннем собрании Ци Цинцы стоял, глядя прямо перед собой, и слушал пустые препирательства чиновников. Он не удержался и тихонько зевнул — слишком рано пришлось встать. Ци Цинцы почувствовал на себе взгляд и, обернувшись, встретился глазами с канцлером Ли Дэчжуном.

Старый пень, чего уставился? Ещё раз посмотришь — напишу роман про тебя и твоего драгоценного внука-зятя, в печать пушу по всей стране, опозорю на века!

Янь Бэйсюань, сидевший на троне, отчётливо услышал эти свежие мысли и не удержался от едва заметной улыбки. Он прочистил горло, и его властный голос разнёсся по залу:

— Господа, сегодня я хочу объявить об одном решении.

Все затаили дыхание, особенно клика Ли Дэчжуна, ожидая, как император накажет Ци Цинюэ за дерзость.

— Генерал Ци Цинюэ проявил верность и храбрость, он обладает высокими моральными качествами и равнодушен к личным удовольствиям, думая лишь о государстве. Моё сердце полно радости!

Зал всколыхнулся. Лицо Ли Дэчжуна стало чернее тучи.

— Я решил посмертно повысить в ранге офицеров, павших на Северной границе, а их семьи передать на попечение казны! Кроме того, я лично начертаю слова Стойкий щит империи и прикажу установить стелу на Заставе Хребет Дракона в честь их заслуг!

Ряды военачальников взорвались ликованием! Сколько лет в этом пропитанном литераторами дворе ценили лишь гражданских чиновников? Когда ещё воины удостаивались такой чести? Военачальники во главе с Ли Гуанли покраснели от возбуждения и пали ниц, славя императора.

Янь Бэйсюань с удовлетворением наблюдал за происходящим, а затем перевёл взгляд на Ци Цинцы.

— Генерал Ци, довольны ли вы моей милостью?

Ци Цинцы вышел вперёд, опустился на одно колено и твёрдо ответил:

— Государь мудр. Я, от имени тридцати тысяч воинов Северной границы, благодарю за великую милость!

В душе же он уже всю сквернословил:

Доволен, как же! Ты просто хочешь сгубить меня, поджарив на огне! Старый интриган! Но... посмертные титулы офицерам и стела для солдат — это по крайней мере по-человечески. Ладно, так и быть, за это поставлю тебе лайк, пёс императорский.

Янь Бэйсюань, слушая эту лицемерную похвалу, стал ещё веселее. Верно, он именно этого и добивался. Если Ци Цинюэ так хочет быть верным — что ж, он исполнит это желание. Сделает из него образцового верноподданного!

— Встаньте, господа.

Янь Бэйсюань поднял руку, тон его голоса мгновенно изменился.

— Второе дело.

Он взял со стола чёрный жетон в форме скорпиона. Сердца всех присутствующих сжались. В следующую секунду император взмахнул рукой, и жетон, со свистом разрезая воздух, полетел вниз с высоких ступеней.

Бряк!

Чёрный жетон завертелся на зеркально гладком полу, высек искры и остановился прямо у сапог канцлера Ли Дэчжуна. Зловещий символ скорпиона смотрел прямо на него, отсвечивая в лучах утреннего солнца.

Атмосфера в зале изменилась в одно мгновение. Лицо Ли Дэчжуна стало бледным как полотно, он пошатнулся, а со лба градом покатился холодный пот.

Янь Бэйсюань подался вперёд, его бездонные глаза, пронзая пространство зала, впились в Ли Дэчжуна. Он чеканил каждое слово:

— Канцлер, этот предмет был найден во время покушения на генерала Ци. Вы... узнаете его?

<http://bllate.org/book/22366/2345382>